

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 811.161.1'373.22
ББК ШП41.12-316

ГСНТИ 16.21.47; 16.21.51

Код ВАК 10.02.19; 10.02.01

Гэн Юаньюань
КНР
Г. Н. Плотникова
Екатеринбург, Россия

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются названия животных в культурологическом аспекте. При этом анализируются вторичные (переносные) значения зоонимов, которые в процессе речевой деятельности эксплицируют эмотивную семантику. Для анализа были взяты названия животных из групп «хищных млекопитающих», «копытных млекопитающих» и «грызунов», которые были извлечены методом сплошной выборки из «Большого толкового словаря русских существительных». Материалом исследования послужили прежде всего словарные статьи, представленные в репрезентативных толковых словарях, а также контексты, в которых употребляются данные зоонимы. Целью анализа было определение характера коннотации в содержательной структуре зоонима. При этом выяснилось, что часть зоонимов из данных групп в русском языке не имеет коннотативного значения, так как они обозначают животных, которые для носителей русского языка являются экзотическими. Выявляются случаи приобретения зоонимом коннотаций в зависимости от речевой ситуации. Также в статье приводятся примеры коннотативных значений зоонимов в разных языках, которые нередко не совпадают. Выявляются и другие особенности коннотативной семантики зоонимов, касающиеся их взаимоотношений с модификационными и немодификационными дериватами, а также отмечается преобладание пейоративной коннотации и направленность ее чаще всего на человека. Особое внимание уделено рассмотрению зоонимов с точки зрения их использования в инвективной функции. На основе анализа словарных дефиниций, а также стилистических и эмоционально-экспрессивных помет, имеющихся в толковых словарях, выделяются две степени инвективности, рассматривается зависимость степени инвективности слова от контекста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: зоонимы; эмотивная семантика; русский язык; животные; лингвокультурология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Гэн Юаньюань (КНР), аспирант 3-го курса кафедры русского языка для иностранных учащихся, Институт гуманитарных наук и искусств, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620051, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51; e-mail: 1501282954@qq.com.

Плотникова Галина Николаевна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся, Институт гуманитарных наук и искусств, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620051, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51; e-mail: rki-urgu@yandex.ru.

Речевая деятельность человека неразрывно связана с эмоциями, поэтому при исследовании языковых явлений помимо семантики, отражающей связь с определенной реальией, важно учитывать и эмоциональную семантику. «В общем виде эмотивную семантику слова можно определить как опосредованное языком отношение эмоционально-социологизированных представлений человека к окружающему миру» [Шаховский 1994: 20]. По мнению ученых, эмотивная семантика может иметь разный статус: в одном случае она является первичной и заполняет всю содержательную часть слова, в другом — она вторична и находится за пределами логико-предметной семантики слова. В таком случае эмотивная семантика приобретает статус коннотации. Таким образом, в коннотативах эмотивность является совмещенной, а в аффективах — самостоятельной [Шаховский 1994: 20—21]. Однако и у аффективов структура эмотивного лексического значения состоит из двух макрокомпонентов — эмотивного и стилистического [Мезенин 1984].

В научной литературе неоднократно отмечалось, что определенные лексико-семантические группы слов имеют свои функционально-стилевые особенности и свой реестр

эмоционально-экспрессивной лексики (как аффективов, так и коннотативов). Зоонимы в этом плане весьма показательны. Для анализа из «Большого толкового словаря русских существительных» было взято 131 существительное, которые являются наименованиями животных из групп «хищных млекопитающих», «копытных млекопитающих» и «грызунов». При этом речь идет прежде всего о функционировании вторичных (переносных) значений зоонимов, когда они приобретают определенную коннотацию, под которой подразумеваются такие элементы смысла содержательной структуры слова, которые дополняют денотативную часть. Появление таких элементов смысла обусловлено взаимодействием исходных значений слов и фоновых знаний носителей языка о реальности, которую обозначает данное слово. Выявление коннотативного значения происходит «под влиянием контекста и ситуации речи» [Васильева и др. 1995: 51].

Но следует отметить, что многие зоонимы, взятые для анализа, не имеют в русском языке подобных значений, например: *гризли, калан, кугуар, мангуст, леопард, гиппотам, ирбис, пума, тапир, ягуар, мустанг, шиншилла* и др. Это, вероятно, связано с тем, что названные животные редко встре-

чаются в повседневной жизни русского народа, представляя собой группу так называемых *экзотических* животных. Поэтому и соответствующие зоонимы малоупотребительны в русском языке. Однако это не исключает возможности появления в речи и этих зоонимов со вторичным (оценочным) значением, например:

– **гиппопотам** — «О крупном человеке». *Деньги маленькие, но я сама тоже не гиппопотам* (Слава Сэ. Ева). *Деньги батюшке нужно давать с тактом, иначе старый гиппопотам обидится* (Пищикова. Пятиэтажная Россия);

– **леопард** — «О злом человеке». — *Боже, какое тиранство! Нет, это не муж, это кровожадный леопард!*.. (Жемчужников и др. Blondy).

Если же говорить об основной массе взятых для анализа зоонимов, то, судя по данным толковых словарей, большинство зоонимов (их вторичные лексико-семантические варианты) имеют стилевые пометы различного рода, свидетельствующие об ограниченном их употреблении. Отметим также, что картину эмоционально-стилевого разнообразия среди названий животных существенно дополняют их модификационные образования с увеличительным, уничижительным, уменьшительно-ласкательным и другими значениями. Однако заметим, что среди всех модификационных образований преобладают названия с уменьшительно-ласкательным значением. Большинство названий животных (83 из 131) образованы подобным образом (*зайчик, зайчишка, собачка, лисичка, бурундучок* и др.). Они также могут приобретать переносное (оценочное) значение, т. е. при необходимости выражения *положительных* эмоций при помощи зоонимической метафоры говорящий чаще прибегает именно к модификационным дериватам зоонимов. Это, с нашей точки зрения, может объяснить и тот факт, что первоначальные названия животных (немодификационные), как показывает наш материал, довольно редко имеют *положительную* коннотацию во вторичных значениях. В использованных нами лексикографических источниках находим незначительное количество примеров такого употребления зоонимов (7 из 131), и даже в НКРЯ они встречаются не часто. Например:

– **лань** — «Разг. О красивой, стройной девушке». *Ты моя подруга будешь, самая близкая... Сестра будешь... На свадьбе моей лезгинку плясать будешь. У-у, красавица моя, лань быстроглазая! душечка! И она опять целовала меня крепко и восторгалась мною с живостью и горячностью ее*

азиатской природы (Чарская. Княжна Джаваха);

– **олень** — «Разг. О человеке, обладающем быстротой и ловкостью». *Оказалось, я по-прежнему горный олень, хотя перенес операцию на правой ноге* (Лимонов. Книга воды).

Более характерным для названий животных является употребление их во вторичных значениях с отрицательной коннотацией. При этом отрицательная коннотация в названии животного обычно передается и его дериватам, поэтому объем зоонимической лексики с отрицательной коннотацией возрастает в несколько раз. Такое явление довольно распространено и наблюдается во многих языках. Например, по словам немецкого исследователя S. C. Hsieh, который изучал зооморфные метафоры в китайском и немецком языках, 66 % и 64 % соответственно составляют зооморфизмы с отрицательным значением [см.: Будаев, Тихонов 2016: 43]. Аналогичное наблюдение находим и у А. П. Чудинова, который отмечает, что «большая часть зооморфных метафор, актуализированных в русском политическом дискурсе, также несет в себе негативные смыслы» [Чудинов 2001: 135]. Именно поэтому большинство вторичных значений зоонимов в словарях сопровождаются особыми эмоционально-экспрессивными пометами. Если говорить о стилистических пометах, то это обычно пометы *разг.* и *прост.*

Однако простая констатация наличия подобных словарных помет у зоонимов еще мало говорит об особенностях их функционирования в языке, так как это можно наблюдать и у слов в составе других лексико-семантических групп. Дело в том, что основная масса анализируемых слов (вторичных значений зоонимов), являясь коннотативами, служит для выражения экспрессивности и, как мы уже отмечали, для выражения именно *отрицательных* эмоций. Поэтому даже те слова, которые являются стилистически ограниченными, имеют еще пометы эмоционально-экспрессивного плана, передающие отрицательную эмоцию, например:

– **лошадь** — «2. Разг.-сниж. О ком-л., обладающем какими-л. качествами, свойственными такому животному». *Галина Ивановна, старая школьная учительница, изношенная лошадь с обвисшим крупом, пришла в класс в новом платье — в летнем, грязновато-бежевом, в прерывистых чёрных линиях, которые то теряли друг друга, то снова находили, выкидывая кривые отростки* (Улицкая. Казус Кукоцкого);

– **мерин** — «Разг.-сниж. Об очень глупом человеке». — *А судя по вашему лицу, —*

сказал парень с челкой, — вы старый сивый **мерин** (Белкина. От любви до ненависти);

– **крыса** — «2. Разг. пренебр. О человеке, род занятий которого расценивается как что-то мелкое, ничтожное». — *Вы, фронтовики, кровь с молоком, а мы, штабные крысы, чахнем над бумагами* (Симонов. Солдатами не рождаются).

В некоторых случаях в словарях находится только стилистическая помета *разг.* (без эмоционально-экспрессивных помет), но значение, сообщаемое в дефиниции, свидетельствует о наличии отрицательных сем во вторичном значении зоонима, а содержание контекста с примером употребления обычно явным образом передает подобную коннотацию. Например:

– **кот** — «2. Разг. О похотливом, сластолюбивом мужчине». *Даже этим страшным военным летом какие изумительные юбочки — легкие, коротенькие, женственные — носят в Ницце... Иван Алексеевич засмеялся: стар кот, а масло любит!* (Хруцкий. Окаянные дни Ивана Алексеевича);

– **суслик** — «2. Разг. О молодых, неопытных людях». *Я большой человек, душа у меня беспредельная, а ты что такое? Суслик, кулик болотный, дрянь самая последняя. Ты не обижайся, Ваня, я не в укор тебе говорю* (Авсеенко. Петербургские очерки).

Как видно из приведенных примеров, отличительной особенностью вторичных значений зоонимов является также и то, что они используются обычно для *характеристики человека* и очень редко — для обозначения других явлений. Характеризуя человека, вторичные значения зоонимов тем самым служат и для выражения нюансов межличностных отношений, с чем связана достаточно длинная шкала речевого поведения в тех или иных случаях: от шутливо-иронического общения до грубого оскорбления. В связи с этим отрицательная коннотация, появляющаяся в названиях животных, может передавать разный характер и разную степень эмоционально-экспрессивной напряженности в отношениях между людьми.

В последнее время в научной литературе для обозначения лексики, используемой в речи для выражения крайнего неприятия человека, его отрицательной характеристики (пренебрежения, унижения, оскорбления и т. п.), применяется термин **инвектив/инвектива** (из лат. *invective (oratio)* — бранная речь) [СИС 1998: 269].

Некоторые ученые говорят об инвективных жанрах речи и об инвективной функции языка. Так, по словам Н. Д. Голева, «инвективная функция языка является одной из его естественных функций, которая неразрывно

связана с возможностью (и жизненной необходимостью) творческого использования слова» [Голев 1999: 45]. Среди инвективной лексики зоонимы составляют заметную долю. При этом инвективные зоонимы, функционирующие в одном языке, в другом языке могут не иметь подобного статуса. Интересный пример этого находим в работе В. Сейидовой: «Слово, которое в культуре одного народа считается крайне оскорбительным и может даже привести к судебным разбирательствам, у других народов может вызывать восхищение. Например, слово „кобыла“, адресованное русской женщине, считается оскорблением, но его образные элементы не вызывают у французской или азербайджанской женщины тех эмоций, которые возникают у русской женщины» [Сейидова 2014: 310]. Такое явление можно наблюдать и по отношению к другим представителям фауны. Например, в китайской культуре **баран** считается добрым и послушным животным, который приносит удачу и благополучие, **заяц** считается животным добродушным и благородным, а в русском языке эти названия животных во вторичных значениях обычно употребляются с отрицательной коннотацией.

Отобранные зоонимы мы проанализировали с точки зрения инвективности и выделили две степени инвективности: низкую и высокую. Критерием для определения степени инвективности послужили пометы в толковых словарях: Большом академическом, Малом академическом, С. А. Кузнецова, Т. Ф. Ефремовой и некоторых других. К зоонимам с первой степенью инвективности мы отнесли вторичные значения зоонимов с пометами *разг.* при наличии отрицательных сем в дефинициях, а также *разг.-сниж.*; *разг. пренебр.*; *разг. неодобр.*; *разг. ирон.* К зоонимам со второй степенью инвективности мы отнесли вторичные значения зоонимов с пометой *прост.* и с эмоционально-экспрессивными пометами *пренебр.*, *презрит.*, *бранно*, *груб.* и др.

В результате анализа выяснилось, что слов первой степени инвективности гораздо больше (около 30), а зоонимов со второй степенью меньше (только 15).

К словам **первой степени инвективности** относятся, например, следующие зоонимы: **боров** — «2. Разг.-сниж. О толстом, неповоротливом человеке»; **бык** — «2. Разг. О крупном, сильном (обычно упрямом) человеке»; **жираф** — «Разг.-сниж. О человеке, который очень медленно соображает»; **заяц** — «5. Разг. О хвастающемся, но трусливом человеке. *Хвастливый как заяц*»; **медведь** — «2. Разг. О крупном, сильном, но

грузном и неуклюжем, неловком человеке»; **сурок** — «2. Разг.-сниж. О человеке, который любит много спать».

К единицам **второй степени инвективности** относятся, например, следующие зоонимы: **гиена** — «3. Бранно. О жадном, коварном человеке»; **козел** — «2. Бранно. О человеке, вызывающем неприязнь, раздражение»; **собака** — «3. Прост. бран. О злом, жестоком, грубом человеке»; **шакал** — «2. Презрит. О жадном, хищном человеке».

Следует отметить, что не существует резкой границы между первой и второй степенями инвективности, так как одно и то же слово может употребляться в разной речевой ситуации. К тому же при любом высказывании в речевом процессе может меняться эмоциональная окрашенность слов под влиянием паралингвистических факторов, а также под влиянием окружающего контекста и с помощью определенной интонации. Хорошим примером является слово **баран**, которое может иметь первую степень инвективности со значением «о глупом, упрямом человеке»: *Ты пойми, ты пойми только, баран ты: я смирный, сегодня смирный, завтра смирный, а потом и несмирный, сгрубил; пряжку тебе, и пошёл вольнодумец!..* (Достоевский. Господин Прохарчин). В другом случае это слово может иметь вторую степень инвективности со значением «о неорганизованной толпе, о людях, которые слепо, без рассуждений идут за кем-л.»: *(Паша, муж) — Понимаете? Свободу! Он не захотел делать нас рабами и насильно приводит к добру. Мы же не стадо баранов, Елена Сергеевна!* (Разумовская. Дорогая Елена Сергеевна).

Некоторые из названий животных могут иметь в одной речевой ситуации положительную коннотацию, а в другой — отрицательную. Например:

– 1) **коза** — «2. Разг. шутл. О резвой, бойкой девочке, девушке»: *Сейчас ты говоришь глупости, но выглядишь замечательно, — он улыбался нежно и празднично, — коза козой* (Е. Чижова. Лавра); 2) **коза** — «Разг. О несговорчивом, упрямом человеке. *На козе не подъедешь*»: *Ещё сильнее рассердился Цацгай и сказал: — Хорошо, упрямая коза... Бери своего Бухарбая, только я ничего не знаю. И тебя не знаю...* (Мамин-Сибиряк. Ак-Бозат);

– 1) **лев** — «2. Разг. О ком-л., отличающемся большой силой, храбростью, смелостью»: *Ах, Пётр Иванович, вы всё ещё лев для своих львят, хотя они давно уже могут самостоятельно завалить стадо антилоп* (Соломатина. Мой одесский язык); 2) **лев** — «3. Разг. О человеке — щеголе, нарочито подчеркивающим свое щегольство»: *Самодовольно-скучающий светский лев, он относится к женщинам со снисходительным пренебреженьем* (Садовской. М. Ю. Лермонтов).

Таким образом, вторичные значения зоонимов в русском языке демонстрируют как специфические особенности, так и отражают общие тенденции функционирования зоонимов в разных языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русских существительных: идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб., 2000.
3. Будаев Э. В., Тихонов В. В. Зооморфные метафоры как инструмент концептуализации сирийского конфликта в СМИ России и США // Политическая лингвистика. 2016. № 2(56). С. 43—49.
4. Васильева Н. В., Виноградов В. А., Шахнарович А. М. Краткий словарь лингвистических терминов / отв. ред. чл.-кор. РАН Ю. Н. Караулов. — М.: Русский язык, 1995. 175 с.
5. Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юристингвистика-1: проблемы и перспективы. — Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 1999. С. 44—47.
6. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. — М., 1998. 847 с.
7. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 3-е изд., испр. — М.: Академия, 2007.
8. Мезенин С. М. Образные средства языка. — М., 1984.
9. Назаретян В. М. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в русском и греческом языках // Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе: материалы 2-й Междунар. науч. конф. — Салоники: Высшая школа перевода МГУ, 2011.
10. Сейидова В. Роли инвективных зоонимов во французском и азербайджанском языках // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер.: «Филология. Социальные коммуникации». 2014. № 3. С. 308—313.
11. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981—1984.
12. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. 238 с.
13. Шаховский В. И. Типы значений эмотивной лексики // Вопросы языкознания. 1994. № 1. С. 20—25.
14. Юсупова Н. Г. «Родственники» животных // Русская речь. 1979. № 6.
15. Юсупова Н. Г. Обезьяна — обезьяний, обезьянничать (Зоонимы и их производные) // Русская речь. 1980. № 4.

Geng Yuanyuan
China
G. N. Plotnikova
Ekaterinburg, Russia

NATIONAL CULTURAL CHARACTERISTICS OF ANIMAL NAMES IN THE RUSSIAN LANGUAGE

ABSTRACT. *The article deals with animal names in cultural aspect through the analysis of zoonyms – secondary (figurative) names expressing emotional semantics in speech. The analyzed animal names have been picked out with the help of continuous sampling method from groups “carnivorous mammals”, “hoofed mammals” and “rodents” described in the Big Explanatory Dictionary of Russian nouns. The research is essentially based on vocabulary entries in representative explanatory dictionaries, but also on contexts, in which zoonyms are used. The purpose of the analysis was to determine the connotations and their specificity in meaningful structures of zoonyms. It turned out that a certain number of zoonyms from those groups don't have connotative meanings in Russian because these zoonyms denote animals which are exotic for native Russian speakers. It is revealed that in some cases zoonym acquires a connotation only being used in a special speech situation. The article provides as well examples of zoonyms connotative meanings which don't coincide in different languages. Some other characteristics of zoonyms connotative semantics regarding their relationship to the modification and demodification derivatives are also identified. The article points out that pejorative connotations are mostly used for human character description. Special attention is paid to the analysis of the cases when zoonyms are used in a function of invective. Conclusions about two degrees of invectives and their dependence on the contexts are based on the analysis of dictionary definitions as well as stylistic and emotional-expressive notes in explanatory dictionaries.*

KEYWORDS: *zoonym; emotive semantics; Russian language; animals; linguo-culturology.*

ABOUT THE AUTHORS: *Geng Yuanyuan (China), Post-graduate Student, Department of Russian as a Foreign Language, Institute of Humanities and Arts, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

Plotnikova Galina Nikolaevna, Professor, Doctor of Philology, Department of Russian as a Foreign Language, Institute of Humanities and Arts, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy / pod obshch. red. L. G. Babenko. — M.: AST-PRESS KNIGA, 2005. 864 s.
2. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb., 2000.
3. Budaev E. V., Tikhonov V. V. Zoomorfnye metafory kak instrument kontseptualizatsii siriyskogo konflikta v SMI Rossii i SShA // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 2(56). S. 43—49.
4. Vasil'eva N. V., Vinogradov V. A., Shakhnarovich A. M. Kratkiy slovar' lingvisticheskikh terminov / otv. red. chl.-kor. RAN Yu. N. Karaulov. — M.: Russkiy yazyk, 1995. 175 s.
5. Golev N. D. Yuridicheskiy aspekt yazyka v lingvisticheskom osveshchenii // Yuristlingvistika-1: problemy i perspektivy. — Barnaul: Izd-vo Altaisk. gos. un-ta, 1999. C. 44—47.
6. Krysin L. P. Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov. — M., 1998. 847 s.
7. Maslova V. A. Lingvokulturologiya: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy. 3-e izd., ispr. — M.: Akademiya, 2007.
8. Mezenin S. M. Obraznye sredstva yazyka. — M., 1984.
9. Nazaretyan V. M. Frazheologicheskie edinitsey s komponentom-zoonimom v russkom i grecheskom yazykakh // Russkiy yazyk v sovremennom mire: traditsii i innovatsii v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo i v perevode: materialy 2-y Mezhdunar. nauch. konf. — Saloniki: Vysshaya shkola perevoda MGU, 2011.
10. Seyidova V. Roli inektivnykh zoonimov vo frantsuzskom i azerbaydzhanskom yazykakh // Uch. zap. Tavrich. nats. un-ta im. V. I. Vernadskogo. Ser.: «Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii». 2014. № 3. S. 308—313.
11. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / AN SSSR, In-t rus. yaz. ; pod red. A. P. Evgen'evoy. — 2-e izd., ispr. i dop. — M.: Russkiy yazyk, 1981—1984.
12. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000): monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2001. 238 s.
13. Shakhovskiy V. I. Tipy znacheniy emotivnoy leksiki // Voprosy yazykoznanija. 1994. № 1. S. 20—25.
14. Yusupova N. G. «Rodstvenniki» zhivotnykh // Russkaya rech'. 1979. № 6.
15. Yusupova N. G. Obez'yana — obez'yanii, obez'yannichat' (Zoonimy i ikh proizvodnye) // Russkaya rech'. 1980. № 4.